

УДК 94(470.41)''19'':378.1(045)

*О.А. Хабибрахманова***НОВАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИОННО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР И ОТНОШЕНИЕ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К «СОВЕТСКИМ» ВЫБОРАМ ПРАВЛЕНИЙ КАЗАНСКИХ ВУЗОВ В 1920–1930-е ГОДЫ**

В статье изучается проблема становления новой системы организационно-административных процедур и правил, санкционированных советской властью в 1920–1930-е гг. В частности, рассмотрены проблемы внедрения в профессиональную среду профессорско-преподавательской корпорации новой, «советской» системы выборов Правлений казанских вузов. Вскрыты механизмы «перехода» к новым правилам и ритуалам. С целью изучения реакции научной интеллигенции на происходящие метаморфозы в профессиональном пространстве профессорско-преподавательской корпорации, детальному анализу подверглась система выборов, проходивших в Казанском университете. На примере архивных документов показана реакция научной интеллигенции на деформации структуры управления казанским вузом, на попытки самих учёных противостоять «советским» процедурам и правилам и сохранить дореволюционные. Новые процедуры и правила, включая систему выборов Правлений, явились доказательством неизбежных трансформационных процессов.

Ключевые слова: научная интеллигенция, органы управления, система выборов, Правление университета, процедуры, правила.

Советские органы управления образованием активно продвигали в жизнь реформу высшей школы. Эта работа представлялась наиболее сложной, трудоёмкой, длительной и особо важной. Значительная роль отводилась решению таких вопросов, как подбор административного персонала и преподавательских кадров, способных изменить методы и методологию преподавания, выстроить и закрепить новую систему организационно-административных процедур.

Неизбежность трансформационных процессов в социально-профессиональной среде профессорско-преподавательской корпорации можно проследить на активном внедрении советской властью новых процедур и правил. Ярким примером стали выборы новых органов управления вузами — Правлений. Историко-системный подход к изучению становления системы «советских» выборов вузовской администрации раскрывает неоднозначное отношение профессоров и преподавателей к происходившим изменениям.

9 октября 1918 г. вышел в свет декрет СНК «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учреждений и вузов в РСФСР», где особое место было отведено делу «отсечения контрреволюции» в вузах. Согласно этому декрету упразднились все дореволюционные учёные степени и звания, вводилось единое звание профессора. В состав профессоров переводились все приват-доценты, имевшие стаж преподавательской деятельности не менее трёх лет. Власть делала ставку на молодых учёных, предлагая значительные преференции. Стать профессором, не имея научных заслуг, без защиты диссертации, в дореволюционной России было невозможно.

Для всех остальных профессоров, прослуживших в университете более 10 лет или в вузах вообще более 15 лет, проводились перевыборы. На вновь образовавшиеся вакансии профессоров был объявлен всероссийский конкурс. Для участия в нём необходима была поддержка видных учёных [5. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 9. Л. 28]. В Национальном архиве Республики Татарстан сохранились блестящие отзывы-рекомендации ведущих учёных страны для своих коллег из Казани [5. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 16.].

Работа по советизации научных учреждений страны дала свои результаты. На место именитых профессоров, таких, как историки Дмитрий Александрович Корсаков, Фёдор Афанасьевич Курганов и Константин Васильевич Харлампович, искусствовед Алексей Максимович Миронов приходили новые учёные из числа приват-доцентов, менее именитые, но поддерживавшие советскую власть. Многие учёные не отказались от столь заманчивого предложения и стали в одночасье профессорами. В Казанском университете это — бывшие приват-доценты Н. П. Грацианский, А. М. Селищев, В. И. Огородников, А. С. Архангельский и А. О. Маковельский. Между тем, по мнению очевидца событий, профессора-астронома Казанского университета И. А. Дюкова, пролетаризация научной интеллигенции не могла полностью удовлетворить запросы властей по обновлению профессорских кадров, поскольку новые профессора из приват-доцентов по большей части были воспитаны в тех же традициях, что и старые профессора с большим дореволюционным стажем, и не были в состоянии создать на факультете такую обстановку, которая бы отвечала в полной мере требованиям социалистического строительства [2, с. 64].

Хорошо продуманная акция по выдворению «старой» профессуры из стен вузов оказалась малоэффективной. Университетская корпорация в Казани на протяжении 1921–1929 гг. не претерпела значительных изменений. В основном наибольшие потери для профессоров были связаны с революционными потрясениями, бытовой неустроенностью и голодом 1921–1922 гг.

15 мая 1929 г. вновь провели конкурс на замещение должностей профессорско-преподавательского состава вузов. Для выявления идеологически неблагонадёжных представителей профессорско-преподавательской корпорации провели пере выборы профессоров и преподавателей вузов. По решению Государственного учёного совета пере выборам подлежали все профессора и преподаватели, проработавшие 10 лет. Теперь выборы носили не столько академический, сколько общественно-политический характер: в первую очередь оценивали кандидатов с позиции их лояльности к советской власти и по степени участия в политической жизни страны. В результате проведённой работы в 1929 г., произошло некоторое обновление кадров науки: в 1927 г. было 49 % учёных, начавших научную деятельность до 1917 г.; теперь их оставалось 43,6 %. Такие темпы превосходили дореволюционные нормы «амортизации» научных работников и замены их новыми [7, с. 284].

Система преподавания и профессиональное вузовское сообщество должно было полностью очиститься от буржуазных взглядов дореволюционной профессуры; к решению этого непростого вопроса власти приступили немедленно. Радикальные изменения начались с организации выборов членов Правлений. Выборы новых органов управления Казанским университетом проходили осенью 1921 г. по трём куриям: профессорской, преподавательской и студенческой. Особое внимание уделялось кандидатуре ректора. На одном из партийных совещаний по вопросам народного образования было предложено: «Назначать крупных партийных товарищей-организаторов, знающих высшую школу, ректорами высших учебных заведений. При недостатке вполне подходящих товарищей назначать хотя бы и менее опытных в деле высшего образования, но стойких и энергичных партийных товарищей — заместителями ректоров (при ректорах из профессоров)» [1, с. 354]. Председателем Правления становился ректор и нес полную единоличную ответственность за вверенное ему учебное заведение. Профессорская курия Казанского университета большинством голосов выбрала на должность ректора профессора статистики А. А. Овчинникова [4, с. 225–233] — человека, не склонного к компромиссу с новой властью. Дальнейшая процедура предполагала утверждение кандидатуры ректора и списка членов Правления в советских органах. Согласно инструкции Главпрофобра, кандидатуру ректора должны были утвердить в Народном комиссариате по просвещению, в Совнарком, в Татарском ЦИКе, в обкоме РКП(б) и, наконец, в Татарском профессиональном совете. Но уже из Татаркомпроса пришёл ответ, что он «с избранием на должность ректора профессора А. А. Овчинникова согласиться не может и возбуждает перед Наркомпросом РСФСР вопрос о не утверждении профессора А. А. Овчинникова в должности ректора» [5. Ф. 337. Оп. 1. Д. 42. Л. 7].

Иные результаты голосования представили студенческая и преподавательская курии. Как следует из отчёта о деятельности ячейки ВКП(б): «При выборах Правления университета “пробежала кошка” между профессурой и преподавательской курией, проголосовавшей 30 % за список, предложенный коммунистами» [6. Ф. 624. Оп. 1а. Д. 2. Л. 73]. Студенческая же курия проголосовала большинством голосов за список, предложенный новой властью. Ректором, по предложению Татаркомпроса, был выдвинут профессор Н. Н. Парфентьев. Именно по результатам выборов в этих двух избирательных куриях и был утверждён новый состав Правления во главе с Н. Н. Парфентьевым. Из отчёта о деятельности ячейки ВКП(б) Казанского университета: «Дело в том, что мы одержали очень крупную победу над профессурой, когда Главпрофобр утвердил в качестве членов Правления наш список» [6. Ф. 624. Оп. 1а. Д. 3. Л. 22]. Процедура утверждения нового ректора заняла чуть более двух месяцев. 11 января 1922 г. список нового Правления университета во главе с ректором был окончательно утверждён [5. 1337. Оп. 1. Д. 47. Л. 46]. Казалось бы, все распоряжения соблюдены, но новый ректор не приступал к своим обязанностям ни в январе, ни в феврале. Лишь после того, как 6 марта 1922 г. действовавший ректор университета пригласил Парфентьева лично, в письменной форме занять должность ректора, 10 марта последовал ответ: «На Ваше предложение от 6 марта 1922 года за № 219, имею честь Вам заявить, что по разным, весьма серьёзным мотивам, я принять возлагаемое на меня Советом по делам вуз Главпрофобра ректорство отказываюсь, о чём и ставлю Вас в известность для дальнейших распоряжений» [5. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 47. Л. 53]. Профессор не счёл нужным разъяснить причины отказа стать советским ректором: избранный «советскими органами» ректор, проигнорировал результаты и саму процедуру выборов, открыто отверг навязанные советской властью условия.

Вызывает интерес и отношение профессоров к самой процедуре выборов. Соблюдая все формальности, предписанные новой властью, они в то же время соблюдали и старые, традиционные ри-

туалы «приглашения» на должность, что свойственно дореволюционной высшей школе. Собственно, и само приглашение на ректорство последовало только после двух месяцев после утверждения кандидатуры Н. Н. Парфентьева в советских органах. Профессорская корпорация не спешила признавать решения новой власти, демонстративно используя дореволюционные организационно-административные процедуры выдвижения на должность. Возможно, она намеренно тянула время, надеясь на изменение или даже на восстановление старых порядков в вузе. 28 марта в Казанский университет пришла телеграмма от Председателя Совета вуз при Главпрофобре В. П. Волгина следующего содержания: «Ввиду отказа профессора Парфентьева от должности ректора, прошу провести новые выборы кандидатов» [5. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 47. Л. 58]. И вновь профессура в лице ректора А. А. Овчинникова идёт по пути детального соблюдения формальностей. На этот раз им понадобилось уточнить: «В разъяснение телеграммы Главпрофобра о производстве новых выборов, университет просит сообщить, подлежит ли переизбранию весь состав Правления или только кандидат в ректоры» [5. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 47. Л. 60]. Уточняющего ответа дождались только в апреле: «За отказом Парфентьева переизбранию подлежит только кандидат в ректоры» [5. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 47. Л. 61]. Тем не менее новые выборы назначили только на 15 июля [5. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 47. Л. 73]. К тому моменту было принято решение увеличить число членов Правлений с трёх до пяти, так что в результате, в Казанском университете вновь выбирали всех членов Правления. Ректором университета при полном согласии всех избирательных курий был избран М. Н. Чебоксаров [5. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 47. Л. 92]. В итоге противостояние профессуры сорвало сроки проведения реформы, позволило пересмотреть положения о составе членов Правления в пользу их увеличения. Попытки преподавателей вмешаться в преобразовательный процесс путём слома установленных советской властью процедуры выборов, увенчались, пусть временным, но успехом.

Часть профессорско-преподавательской корпорации университета оценивала сложившуюся ситуацию как критическую. Так, М. К. Корбут писал, что прошло 6 месяцев с момента отказа ректора первого советского Правления приступить к исполнению своих обязанностей, прежде чем удалось найти выход из создавшегося кризиса. Причиной промедления могла стать, по мнению М. К. Корбута, правая часть профессуры, для которой период «смутного времени» в университете был выгоден «и ещё укрепит за Казанским университетом славу одного из реакционных университетов» [3, с. 318]. Действия профессоров и преподавателей вуза не остались незамеченными и пролетарскими студентами. Среди очерков и заметок того времени находим заметку под названием «К предстоящей реформе». В ней говорилось: «Мы твёрдо убеждены, что большая часть студенчества с единичными лучшими работниками из профессорской и преподавательской среды смотрят на предстоящую реформу высшей школы как на шаг вперёд, как на уничтожение укоренившихся в строе университетской жизни пережитков средневековья; убеждены мы также и в том, что попытки сорвать начало реформы (выборы Правления), или создать фарс, забавную “новеллу” в истории русских университетов, также обречены на гибель, ибо издыхающее и гнилое лишь временно отравляет воздух зловонием, но не способно помешать развернуться здоровому и сильному» [5. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 29. Л. 23].

Несмотря на непростую обстановку, часть профессоров и преподавателей оставалась приверженной старым традициям, когда 19 июля 1922 г. созвали торжественное собрание по случаю выборов нового ректора. На собрании бывшему ректору, профессору А. А. Овчинникову выразили «от лица профессуры глубокую благодарность за те тяжёлые труды, какие им положены при исполнении ответственных и весьма сложных обязанностей ректора университета. Проходя эту службу при чрезвычайно тяжёлых условиях, переживаемых университетом, он, тем не менее, нёс её с полным достоинством и высокой пользой для университета» [5. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 47. Л. 93]. Слова благодарности и солидарность с действиями профессора А. А. Овчинникова на том собрании выражали именитые профессора Казанского университета: А. Е. Арбузов, В. А. Баранов, А. Я. Богородицкий, Е. Ф. Будде, А. Н. Миславский и др. Для профессуры важно было сохранить ритуальную сторону жизни, элементы «профессорской культуры», которые были особенно ценными в момент социальной ломки.

Правда, сохранить традиционные организационно-административные процедуры и ритуалы было весьма непросто. «Чехарда» с избранием на должность ректора и членов Правления Казанского университета вносила неразбериху. Накаляли обстановку и требования властей к избираемым кандидатам. Так, в 1927 г. на заседании бюро партийного коллектива Казанского университета стоял вопрос о перевыборах Правления университета. В заседании детально рассматривались кандидатуры на должность «в духе советского времени», с учётом общественных заслуг, партийной принадлежности, лояльности к новой власти. Критиковали беспартийный состав Правления, которое по этой причине

не пользуется авторитетом, говорили о влиянии профессуры на процедуру выборов, настаивали на выдвижении ректора-партийца. Аргументы приводились следующие: «Члена Правления Перегулова заменять не имеет смысла, так как он, в известной степени, иногда, помогает нам давить на Правление... <...> Член Правления Миславский, будучи в прежних составах Правления, сделал очень мало и в будущем он тоже не сможет вести работу. Но всё-таки профессура будет настаивать на его проведении в состав Правления» [6. Ф. 624. Оп. 1а. Д. 7. Л. 14]. Особенно горячо обсуждалась кандидатура ректора университета, говорили, что ректор «не представляет из себя незаменимого работника». Другие приводили доводы, что «у нас более подходящего ректора, чем профессор Луньяк нет. А у последнего есть заслуга в том, что он сумел поднять ставку научных работников... <...> Правление в целом не пользуется авторитетом. Ректора профессура ценит как дельца, его, я думаю, нам менять не стоит <...>». Члены бюро пришли к выводу, что надо «добиться того, чтобы ректор был партиец...» [6. Ф. 624. Оп. 1а. Д. 7. Л. 13]. Тогда, в 1927 г. ректор университета профессор А. И. Луньяк сохранил свою должность, членами Правления были избраны профессор П. А. Миславский, А. А. Диковицкий, С. Сладников и доктор А. Г. Терегулов [6. Ф. 624. Оп. 1а. Д. 7. Л. 20].

Весной 1929 г. состоятся очередные выборы Правления Казанского университета и его ректора. Избран был декан только что открывшегося при университете факультета советского права, доцент М. А. Сегаль. Согласно выборным протоколам, за его кандидатуру единогласно проголосовала и профессорская, и преподавательская курии [5. Ф. 3681. Оп. 1. Д. 1607. Л. 77–78]. Вызывает интерес процедура утверждения кандидатуры нового ректора. Если в 1921 г. ректора утверждали четыре инстанции, то в 1929 г. этот список значительно расширился. Теперь кандидатуру советского ректора должны были рассмотреть и утвердить: Татарский ЦИК, Казанская секция научных работников, Исполнительное бюро Казанского пролетарского студенчества КГУ на основании расширенного заседания пленума Исполнительного бюро КГУ, Совет профессиональных союзов Татарской Республики, Татаркомздрав, Татотдел союза Медсантруд, Татотдел Союза работников просвещения, Татотдел Союза химиков, Татсовнархоз, Татотдел Союза совслужащих, Наркомюст, Совет КГУ [5. Ф. 3681. Оп. 1. Д. 1607. Л. 80–95]. Такая волокита не была случайной: поскольку вузы лишались автономии, вся процедура управления переходила в руки советских органов. Чтобы придать выборам максимальную легитимность, властям было крайне необходимо заручиться поддержкой как можно большего числа советских органов власти. Одновременно следует констатировать и факт девальвации самой процедуры выборов. Определённо, с увеличением инстанций, которые должны были утвердить кандидатуры, процедура выборов, организованных в стенах университета по куриям, становилась не более, чем формальностью. По сути, доцент М. А. Сегаль был назначен, а не выбран на должность ректора.

Не менее болезненно в 1929 г. процедуру выборов советского ректора переживал и Восточно-педагогический институт. Среди документов делопроизводства института сохранились характеристики и результаты выборов в члены нового Правления и ректора ВПИ. Результаты выборов по куриям наглядно показывают желание профессорской и преподавательской курии сохранить прежний состав Правления и ректора С. П. Сингалевича. Все курии на выборах проголосовали единогласно за старый состав [5. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 197. Л. 4–7]. Но, как и в случае с университетом, ректором утверждена была другая кандидатура — Г. Г. Кудоярова, «в целях коренизации Правления», как записано в Протоколе собрания Преподавательской курии. С. П. Сингалевич стал проректором ВПИ [5. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 231. Л. 7]. Выборы советских органов управления в 1927–1929 гг. стали знаковыми: власти, пусть не сразу, но смогли переломить ситуацию в свою сторону. К концу 1930-х гг. чехарда с выборами стала сменяться упорядоченностью, а процедура выборов была фактически формализована как новый «советский» ритуал.

Профессиональные практики с их организационно-административными процедурами, ритуалами и обычаями считались маркером «буржуазности». На протяжении практически всего десятилетия (1920-е гг.) профессорско-преподавательской корпорации удавалось их сохранять. Переломили ситуацию в 1930-е гг., когда новые процедуры и правила стали закрепляться в профессиональной среде учёных. Правда, активное участие научной диаспоры в трансформационных процессах привело к их формализации, исказило первоначальные реформаторские замыслы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н. И.* Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. документов за 1917–1947 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. 1947. 576 с.
2. *Дюков И. А.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина в 1917–1946 гг. Казань: Тип. Татполиграф, 1947. 123 с.

3. *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ленина за 125 лет 1804/05–1929/30. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. 2 т.
4. *Мальшиева С. Ю.* Александр Александрович Овчинников. 1921–1922 гг. // Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг.: Очерки жизни и деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 359 с.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).
6. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ).
7. *Чанборисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. М.: Высш. шк., 1988. 194 с.

REFERENCES

1. *Boldyrev N. I.* Direktivy VKP(b) i postanovleniya Sovetskogo pravitel'stva o narodnom obrazovanii: Sbornik dokumentov za 1917–1947gody [Instruction VKP(b) and decisions of the Soviet government about national education. The collection of documents for 1917–1947]. Moscow, Leningrad, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Press, 1947, 576 p. (In Russian).
2. *Dyukov I. A.* Kazanskij gosudarstvennyj universitet imeni V. I. Ul'yanova-Lenina v 1917–1946 godah [Kazan the State University named after V. I. Uljanov-Lenin per 1917–1946 under]. Kazan, Tatpoligraf Print. House, 1947, 123 p. (In Russian).
3. *Korbut M. K.* Kazanskij gosudarstvennyj universitet imeni V. I. Lenina za 125 let 1804/05–1929/30 [Kazan the State University named after V. I. Lenin for 125 years 1804/05–1929/30]. Kazan, Kazan State University Press, 1930. In 2 volumes. (In Russian).
4. *Malysheva S. Yu.* Aleksandr Aleksandrovich Ovchinnikov. 1921–1922 gody [Alexander Aleksandrovich Ovchinnikov. 1921–1922]. Rektory Kazanskogo universiteta, 1804–2004 gody: Ocherki zhizni i deyatel'nosti [Rectors of the Kazan University, 1804–2004. Sketches of life and activity]. Kazan, Kazan State University Press, 2004, 359 p. (In Russian).
5. Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (NA RT) [National Archive of the Republic of Tatarstan].
6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskoj dokumentacii Respubliki Tatarstan (CGA IPD RT) [Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan].
7. *Chanborisov Sh. H.* Formirovanie sovetskoj universitetskoj sistemy [Formation of the Soviet university system]. Moscow, High School Publ., 1988, 194 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.11.16

O.A. Khabibrakhmanova

NEW SYSTEM OF ORGANIZATIONAL AND ADMINISTRATIVE PROCEDURES AND THE ATTITUDE OF SCIENTIFIC INTELLIGENCE TO THE "SOVIET" ELECTIONS OF BOARDS OF THE KAZAN HIGH SCHOOLS IN 1920-1930S

In the article the problem of development of a new system of organizational-administrative procedures and rules authorized by the Soviet authority in 1920-1930s is studied. In particular, the article deals with the problems of introduction in the professional environment of professorial corporation of a new "Soviet" election system of Boards of the Kazan high schools. Mechanisms of "transition" to new Soviet rules and rituals are revealed. With the purpose of studying the reaction of scientific intelligency to occurring metamorphoses in professional space of professorial corporation, the election system taking place in the Kazan University has undergone to the detailed analysis. By the example of archival documents, the article shows the reaction of scientific intelligency to occurring deformations in the structure of management of the Kazan University, attempts of scientists to resist to the "Soviet" procedures and rules and to keep pre-revolutionary ones. Finally, it is proved that new procedures and rules, including a new election system of Boards, became the proof of inevitable transformational processes.

Keywords: Scientific intelligency, controls, election system, Board of university, procedures, rules.

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой философии
и гуманитарных дисциплин

ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний»
420034, Россия, г. Казань, ул. Профсоюзная, 12
E-mail: olgaah@yandex.ru

Khabibrakhmanova O. A.,
Candidate of History, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy
and Humanities

Institute of Social and Humanitarian Knowledge
Profsoyuznaya st., 12, Kazan, Russia, 420034
E-mail: olgaah@yandex.ru